

Я. А. ГАНДЖИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ИППОЛИТА МЫШКИНА

В. И. Ленин убедительно показал, что в народничестве в целом не было «ни грана», «ни капли» подлинного научного социализма. Вместе с тем Ленин высоко ценил самоотверженную борьбу за интересы народа деятелей «боевого революционного народничества» семидесятых годов.

Одним из самых ярких представителей «блестящей плеяды революционеров 70-х годов»¹ был Ипполит Никитич Мышкин, справедливо названный В. И. Лениным корифеем революционного движения.

Вся короткая жизнь И. И. Мышкина (1848—1885 гг.) была отдана народу. С юных лет он вел революционную пропаганду и в 1873 году создал типографию, в которой печаталась нелегальная литература. В 1875 году Мышкин без чьей-либо помощи совершил едва не достигшую успеха попытку освободить из Виллюйска Н. Г. Чернышевского. Будучи арестованным, он по дороге в Якутск стрелял из револьвера в сопровождавших его казаков, ранил одного из них и бежал. Однако вновь был арестован и привлечен к судебной ответственности по процессу 193-х. 26 октября 1877 года он выступил на заседании суда с речью, в которой подробно обосновал справедливость борьбы за низвержение самодержавия. Мышкин заявил, что считает своей обязанностью, делом чести быть в рядах революционеров. Его яркая, страстная речь неоднократно прерывалась грубыми окриками председателя Особого присутствия сената. Его пытались силой удалить из зала судебного заседания, но Мышкин успел завершить свою речь замечательной характеристикой царского суда.

«...Это не суд, — заявил он, — а простая комедия, или нечто худшее, более отвратительное, позорное, чем дом терпимости; там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества»². Мышкин был приговорен к десяти годам каторжных работ.

В 1881 году в Иркутске (в пути следования на Кару) он произнес пламенную речь в тюремной церкви над гробом известного народника Л. А. Дмоховского. Свою речь он закончил пророческими словами: «На почве, удобренной кровью таких борцов, как ты, дорогой товарищ, расцветет дерево русской свободы»³. За эту речь Мышкин получил еще 15 лет каторги.

С 1875 года и до дня смерти Мышкин содержался в самых страшных царских застенках: в Новобелгородском и Новоборисоглебском каторжных централах, в Карийской тюрьме Нерчинской каторги, в Трубецком бастионе и в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости и, наконец, в Шлиссельбургской тюрьме. Но всегда он сохранял веру в победу революции и мечтал о возвращении к борьбе.

Мышкин пытался совершить побег из Новобелгородской тюрьмы. Он организовал групповой побег с Карийской каторги; ему удалось добраться до Владивостока, но там он был задержан. Мышкин везде мужественно вел борьбу с тюремным начальством за права заключенных. В Новобелгородском центре он в тюремной церкви дал пощечину смотрителю тюрьмы. Мышкин заявил, что этим действием, за которое ему угрожала смертная казнь, он рассчитывал обратить внимание общества на положение политических заключенных. В Карийской тюрьме он возглавил длившуюся тринадцать дней голодовку пятидесяти четырех заключенных. Не раз пытался Мышкин поднять общий бунт заключенных в Алексеевском рavelине против невыносимого режима, установленного там.

25 декабря 1884 года он бросил медную тарелку в смотрителя тюрьмы Шлиссельбургской крепости. Во время следствия Мышкин заявил, что хотел «чтобы в этом был повод к достижению смертной казни»⁴. «Он решился умереть, — пишет В. Н. Фигнер, — нанести оскорбление действием смотрителю тюрьмы и выйти на суд; выйти, чтоб разоблачить жестокую тайну Шлиссельбурга, разоблачить, как он думал, на всю Россию, и ценою жизни добиться облегчения участи товарищей по заключению»⁵.

26 января 1885 года по приговору военного суда Мышкин был расстрелян.

Сколько-либо полной, документально-обоснованной биографии И. Н. Мышкина до сих пор не имеется. Отдельные стороны его жизни освещены в статье шлиссельбуржца Попова⁶. О годах юности Мышкина писал в небольшой заметке его школьный товарищ Бельских⁷. О некоторых фактах из жизни Мышкина мы узнаем из воспоминаний участников революционного движения семидесятых—восьмидесятых годов⁸. Сведения о Мышкине имеются в III томе известного труда М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» (М. 1952), в книге Е. Е. Колосова «Государева тюрьма — Шлиссельбург» (М. 1929) и в сборнике воспоминаний, документов и материалов «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги» (М. 1927). В литературе нет даже точных данных о происхожде-

нии И. Н. Мышкина. Сведения эти обычно ограничиваются повторением слов самого Мышкина, сказавшего на суде, что его мать была крепостной крестьянкой, а отец солдатом.

В Новгородском областном государственном архиве, в фонде начальника Новгородского жандармского управления, имеется ряд документов, относящихся к матери и брату Мышкина, а также и некоторые материалы о нем самом. Отец И. Н. Мышкина служил батальонным писарем в учебном карабинерном Барклая-де-Толли полку. После его смерти мать Ипполита Мышкина Евдокия Терентьевна вышла замуж за фельдшера того же полка Соколова⁹. Однако второй муж Евдокии Терентьевны вскоре умер, и она в дальнейшем жила вдвоем со своим сыном Григорием в Новгороде¹⁰.

«Мать его была крепостная крестьянка, — это все, что мы знаем о ней. О матери Мышкина мы не знаем даже того, что знаем о матери Фроленко, которая ослепла от слез, оплакивая своего заживо погребенного сына», — писал в 1929 году Колосов¹¹. Архивные материалы значительно пополняют сведения о матери И. Мышкина. Они дают полное основание сказать, что Евдокия Терентьевна, простая малограмотная русская женщина, была достойна сына — мужественного революционера.

В декабре 1882 года «по высочайшему повелению производящий дознание о государственных преступниках в империи» генерал-майор Федоров обнаружил у привлеченной к дознанию Марии Сыцяно адрес матери И. Мышкина Евдокии Терентьевны Соколовой. Сыцяно обвинялась в организации оказания материальной помощи находившимся в заключении революционерам и их семьям. Федоров предложил начальнику Новгородского жандармского управления допросить Евдокию Терентьевну¹². Начальник жандармского управления полковник Кононов лично допросил Е. Т. Соколову. Последняя заявила: «Дочь статского советника Сыцяно я не знаю. Никогда фамилии такой не слыхала и в доме моем никогда таковой не было. В предъявленной мне вами карточке (была предъявлена карточка Марии Сыцяно) я не вижу знакомого или когда-либо виданного мною лица и потому ничего о ней сказать не могу». Кроме того, она заявила, что ее и сына Григория «никто из посторонних не посещает», и категорически утверждала, что денег ни от кого она не получает¹³.

На допросе Евдокия Терентьевна держалась так твердо и вместе с тем умело, что смогла ввести Кононова в заблуждение. Он, очевидно, пришел к выводу, что эта простая старуха (Евдокия Терентьевне было 60 лет) ничего не смыслит в делах своего сына-революционера и никаких связей с революционными кругами не поддерживает. Кононов ограничился тем, что допросил Евдокию Терентьевну и переслал протокол допроса генералу Федорову и даже не отдал распоряжения о производстве обыска на квартире у Е. Т. Соколовой.

Однако уже через год жандармскому управлению вновь пришлось вернуться к вопросу о матери Мышкина.

В январе 1884 года полковник Кононов получил отношение от начальника Пермского губернского жандармского управления, в котором последний сообщил, что при обыске у Я. А. Данько, «обвиняемом в принадлежности к преступному Красному кресту¹⁴, среди других адресов есть адрес «Новгород, Авдотье Терентьевой Соколовой». В связи с этим говорилось далее в отношении, «прошу Ваше Высокоблагородие дознать, не принадлежит ли означенное лицо к обществу Красного креста..., а также, в каких отношениях находится Соколова к Данько, и в случае преступности привлечь к законной ответственности»¹⁵.

На этот раз полковник Кононов счел необходимым действовать решительней. Он приказал произвести у Е. Т. Соколовой обыск. Это решение он мотивировал тем, что Соколова является матерью известного революционера Ипполита Мышкина, что сын ее Григорий, с которым она вместе живет, привлекался к судебной ответственности за революционную деятельность и что сама Е. Т. Соколова уже допрашивалась по делу Марии Сыцянка¹⁶.

28 января 1884 года, несмотря на то, что самой Евдокии Терентьевны в этот день в Новгороде не было (она выехала в Петербург добиваться разрешения на свидание с И. Мышкиным) обыск был произведен. О результатах обыска Кононов нашел нужным не только сообщить Пермскому жандармскому управлению, но и донести департаменту полиции. Он доносил, что при обыске отобрано у Соколовой 28 писем, «причем в числе 28 есть некоторые, свидетельствующие о несомненном сочувствии к ней лиц, старающихся помочь ей советом и делом»¹⁷.

В частности, он указывал, что найдено 5 писем от матери революционера Дмоховского и одно от его сестры¹⁸. В одном из писем мать Дмоховского советует, каким образом Евдокии Терентьевне следует добиваться свидания с сыном, и рекомендует познакомиться с Анной Осиповной Сыцянка. Кононов вполне основательно высказал предположение, что Анна Сыцянка—сестра Марии Сыцянка, о связях с которой Е. Т. Соколова была допрошена в декабре 1882 года¹⁹.

Полковник Кононов обратил внимание и на то, что Дмоховская наставляла Евдокию Терентьевну вести себя осторожно, соблюдать правила конспирации. Она рекомендовала, придя в дом, где живет Сыцянка, вначале задать вопрос-пароль «Здесь ли живут курсистки?» и только после получения утвердительного ответа назвать фамилию Сыцянка²⁰.

При обыске было также отобрано письмо от Ларисы Тимофеевны Зарудневой, из которого видно, что она пересылала Соколовой деньги.

На допросе Е. Т. Соколова показала, что с матерью Дмоховского она познакомилась в 1881 году в Мценской тюрьме и что Дмоховская прислала ей 25 рублей на поездку в Петербург. От

Зарудневой из Перми она получила года 3 или 4 назад 21 рубль, которые та прислала в уплату долга сыну; сама же Зарудневой не знает. Других денег ни от кого не получала²¹.

Однако на этот раз ввести Кононова в заблуждение Евдокии Терентьевне не удалось. Жандармское управление запросило у Новгородской почтовой конторы справку о том, когда и откуда Е. Т. Соколова получала денежные переводы в течение последних пяти лет. Оказалось, что переводы она получала регулярно: в 1879 году ею было получено 9 переводов, в 1880 — 11, в 1881—12, в 1882 — 7 и в 1883 — 11. Переводы присылались на различные суммы — от 5 до 25 рублей. Причем поступали переводы из разных городов: Перми, Нижнего Новгорода, Москвы, Казани, Солигалича, Суджи²². Важно отметить, что наибольшее количество (38) переводов было получено из Перми, то есть, как раз оттуда, где был привлечен к дознанию за участие в деятельности Красного креста Я. А. Данько.

Все эти факты представляют определенный интерес. Они показывают, какой заботой была окружена мать Ипполита Мышкина со стороны прогрессивных деятелей конца 70-х—начала 80-х годов и, следовательно, как высоко они ценили самого Мышкина.

Попутно следует указать и на то, что эти материалы свидетельствуют о том, насколько систематически велась деятельность подпольного Красного креста, организованного кругами, связанными с революционными народниками.

Во время обыска у Е. Т. Соколовой были обнаружены не только такие письма, где речь шла об оказываемой ей помощи. Были отобраны письма к ней из Нижней Кары от А. Квятковской²³ и А. Долгушиной²⁴. Квятковская писала Е. Т. Соколовой, что посланные последнюю на имя Союзова деньги получены и что Мышкин еще в Забайкальскую область не прибыл²⁵. Было отобрано во время обыска и одно письмо без подписи. Автор его писал Евдокии Терентьевне, что И. Мышкин выехал с Карийской каторги в Шлиссельбург, и просил сообщить об этом Софье Лешерн²⁶. Кроме того, в одном из отобранных писем упоминаются мать Малавского и Маликов²⁷. Жандармы обнаружили и отобрали у Е. Т. Соколовой и 14 писем от самого И. Мышкина.

Часть этих писем была отправлена через полицейские инстанции, а часть И. Мышкин сумел переслать нелегальными путями²⁸ (к сожалению, в архиве эти письма не сохранились, имеется лишь копия одного из них).

На допросах (на этот раз было два допроса) Евдокия Терентьевна держалась очень твердо. Она утверждала, что не знает, кем написано письмо, не имеющее подписи, что Квятковскую не знает, что письма от сына из мест заключения получала законным путем — через полицию.

Все эти факты показывают, что мать И. Мышкина была вовсе не так далека от революционных кругов, как это представлялось вначале новгородским жандармам. Она находилась в деятельной

переписке с людьми, близкими Ипполиту Мышкину, и даже иногда получала от них поручения. Мужественно вела себя Е. Т. Соколова на допросах. Она упорно утаивала все, что ей было известно о деятельности революционных кругов (в частности, подпольного Красного креста). Ни одного слова осуждения сына или хотя бы сожаления о том, что он за свою революционную деятельность в течение ряда лет находится в тюрьмах, не услышали допрашивающие ее жандармы.

Документы, хранящиеся в Новгородском архиве, проливают свет и еще на один вопрос, который вызывал законный интерес у многих писавших о Мышкине. Речь идет о судьбе письма Мышкина матери, написанном им после того, как он был приговорен к расстрелу.

М. М. Чернавский вспоминал о «необыкновенно глубокой привязанности к матери» Ипполита Мышкина; об этом же писал и М. Н. Попов. Из воспоминаний Попова нам известно, что Мышкин в последние минуты жизни страстно желал, чтобы мать узнала, что ее сын решил пожертвовать своей жизнью и этим выразить протест против тех оскорблений, которым подвергало правительство политических заключенных, и что умер он с мыслями о матери²⁰.

Из книги Е. Е. Колосова известно, что Мышкин, будучи приговорен к расстрелу, написал два письма — матери и брату Григорию. Товарищ министра внутренних дел генерал Оржевский после приведения приговора над Мышкиным в исполнение разрешил отправить только письмо матери, а письмо брату было уничтожено. Директор департамента полиции Дурново направил письмо Мышкина матери начальнику Новгородского губернского жандармского управления. Он предложил последнему вызвать Е. Т. Соколову, сообщить ей о том, что сын казнен, и вручить письмо. При вручении надлежало предупредить, что письмо «передается только при том условии, чтобы она не передавала его гласности и оно отнюдь не могло бы служить для агитационных целей или быть напечатанным в каком-либо подпольном издании, предупредив ее, что, в противном случае, ответственность за это падет прямо на нее, и она подвергнется строгому административному взысканию». «На этом, — писал в 1929 году Колосов, — кончаются наши сведения о судьбе писем Мышкина»²¹.

Теперь мы можем рассказать о дальнейшей судьбе письма Мышкина матери. На подлинном отношении директора департамента полиции, хранящемся в Новгородском архиве, имеется пометка, сделанная начальником Новгородского губернского жандармского управления: «9 февраля изложенное в настоящем отзыве объявлено мною лично Соколовой, причем передано ей и приложенное письмо от сына Ипполита Мышкина»²².

Кроме того, имеется копия отношения начальника Новгородского жандармского управления от 9 февраля 1885 года директору департамента полиции. В этом отношении полковник Кононов пи-

шет, что он вызвал Е. Т. Соколову и сообщил ей о казни сына, причем она была этим известием «повидимому (!) очень встревожена».

Прежде, чем отдать убитой горем матери предсмертное письмо сына, жандармский полковник предупредил Е. Т. Соколову, «что за передачу такого или сообщение ею содержания, она подвергнется строгому административному воздействию» и потребовал, чтобы она предварительно дала обещание, что о содержании письма никому не расскажет. Е. Т. Соколова дала требуемое обещание, и Кононов, наконец, ей письмо сына отдал. Но хотя Соколова и выражала «твердое желание выполнить предъявленные условия о передаче письма в другие руки и даже без всяких поводов, как простая женщина, по общепринятому в среде их обычаю, неоднократно порывалась подтвердить слова свои клятвой», Кононов пишет, что он обеспокоен тем, что это письмо окажется в руках Григория Мышкина, который и передаст его в руки революционеров, «действуя в сем случае, хотя и не по собственной инициативе, но несомненно для агитационных целей...»²³. Это ясно показывает, что местные жандармские власти были убеждены в том, что семья Мышкиных поддерживает связи с революционными кругами.

Не менее интересны и материалы, относящиеся к Григорию Мышкину. Почему письмо И. Мышкина к брату Григорию не было последнему доставлено, а было уничтожено в департаменте полиции? Почему начальник Новгородского жандармского управления высказывал столь определенно опасения, что Григорий Мышкин использует письмо Ипполита к матери для агитационных целей?

В цитируемой ранее книге Колосова есть только упоминание о том, что департаменту полиции было известно о неблагонадежности Григория Мышкина; в перечисленных выше воспоминаниях об Ипполите Мышкине ничего не говорится о его брате. Исключением являются только воспоминания М. Бельских «Юношеские годы И. Н. Мышкина», где коротко рассказывается и о юности Григория Мышкина.

Помимо этого, в журнале «Былое» был воспроизведен обвинительный акт по делу группы лиц, предаваемых суду Особого присутствия сената в 1876 году за революционную пропаганду среди солдат 85-го пехотного Выборгского полка, расквартированного в Новгороде, и среди писарей Главного штаба. Григорию Мышкину было предъявлено обвинение в том, что он, зная о распространении Н. М. Богучевичем запрещенных изданий и «имев возможность довести о сем до сведения правительства, таковой обязанности своей не исполнил»²⁴.

В воспоминаниях С. Б. Богданова о Е. С. Семяновском, который был одним из обвиняемых по этому процессу, попутно указывалось, что Григорий Мышкин был приговорен к тюремному заключению на три месяца²⁵. Этим и исчерпываются опубликованные

до сих пор сведения о Григории Мышкине.

В фонде Новгородского жандармского управления имеется дело «поднадзорного Мышкина Григория Никитича», которое велось много лет. Ряд сведений о Г. Мышкине имеется и в других делах этого фонда.

Григорий Никитич Мышкин был старшим братом Ипполита; родился он в 1845 году. Вместе с Ипполитом он учился в Петербургском училище военного ведомства, но не закончил его. В 1871 году он выдержал экзамен на звание инженера-кондуктора. Затем он служил при Новгородской инженерной дистанции. Примерно одновременно с братом он начал принимать участие в революционной деятельности. В августе 1874 года Григорий Мышкин был привлечен к дознанию по указанному выше делу. Помимо того, что была выявлена его связь с Н. Богушевичем, было установлено, что у Г. Мышкина хранились книги, распространяемые народниками: «Сказка о четырех братьях» Тихомирова, «Хитрая механика» Варзара и другие³⁷. В августе 1875 года в квартире Г. Мышкина (как уже указывалось, он жил вдвоем с матерью) был произведен обыск. Во время обыска были отобраны письма к нему и другим лицам от Ипполита Мышкина, написанные в то время, когда тот находился, скрываясь от преследований полиции, за границей. После этого Григорий Мышкин был отправлен в Петербургский дом предварительного заключения, но 29 марта 1876 года освобожден и отдан под надзор начальника Новгородской инженерной дистанции. В октябре 1876 года Особым присутствием правительствующего сената Г. Мышкин был признан виновным в ведении о распространении Богушевичем и другими революционной литературы и приговорен к одиночному заключению в военной тюрьме на 3 месяца. Однако, в общей сложности он просидел в тюрьмах за участие в революционной деятельности около двух лет³⁸.

После выхода из заключения Григорий Мышкин был уволен в отставку. Не имея возможности поступить на службу, он занимался выполнением частных чертежных работ у инженеров путей сообщения. Новгородская полиция все время неослабно следила за Г. Мышкиным. Ей было известно, с кем он поддерживает связи, чьи заказы выполняет, сколько зарабатывает и т. д. Прямых данных, говорящих о том, что после выхода из тюрьмы Г. Мышкин был членом какой-либо революционной организации, не имеется. Но многое говорит о его революционных настроениях и постоянной готовности помочь в революционных делах Ипполиту Мышкину.

В мае 1883 года жандармскому управлению удалось перехватить письмо Григория Мышкина к Ипполиту Мышкину, находившемуся на Карийской каторге. В этом письме он резко отрицательно отзывался о разных мероприятиях и распоряжениях царского правительства. После этого начальником губернского жандармского управления было «в виду явно высказанной Григорием Мышкиным политической неблагонадежности признано необходи-

мым установить за ним строгое негласное наблюдение»³⁹. Вскоре аналогичное распоряжение было отдано и департаментом полиции Министерства внутренних дел.

В январе 1884 года (во время обыска у матери Мышкина) было отобрано письмо Ипполита Мышкина к Григорию. Содержание письма ясно говорило о том, что Григорий Мышкин в курсе связей своего брата Ипполита с революционными кругами и получает от него самые разнообразные поручения⁴⁰. Надзор жандармерии за Григорием Мышкиным был весьма тщательным. Достаточно сказать, что жандармский унтер-офицер, ведущий постоянное наблюдение за Григорием Мышкиным, не только доносил по начальству о кратковременных поездках Мышкина в Петербург, но даже и о выездах в село Медведь Новгородского уезда. Под официальным негласным надзором Г. Мышкин состоял по 1896 год включительно, и только тогда, когда ему уже было свыше пятидесяти лет, этот надзор был снят⁴¹.

Помимо материалов, относящихся по преимуществу к матери и брату Ипполита Мышкина, в Новгородском архиве хранятся еще один документ, имеющий определенное значение для пополнения сведений о самом И. Мышкине. Это копия его письма к брату. Подлинник письма был отобран во время обыска у Е. Т. Соколовой в январе 1884 года. Копия письма, написанная карандашом рукой начальника Новгородского губернского жандармского управления полковника Кононова, находится в том же деле, в котором хранятся и другие документы, относящиеся к указанному обыску. Из показаний Е. Т. Соколовой и Г. Н. Мышкина по поводу материалов, найденных во время обыска, явствует, что указанное письмо было передано Ипполитом Мышкиным Григорию Мышкину через Е. Т. Соколову, когда она в начале 1881 года посетила сына в Мценской тюрьме⁴². Таким образом, это письмо миновало цензуру.

Копия, очевидно, не полна — нет самого начала письма; часть письма, как видно из сделанной после текста письма полковником Кононовым пометки, была стенографирована (известно, что оба брата Мышкины знали стенографию, а Ипполит был первоклассным стенографом), и в жандармском управлении ее не расшифровали. В копии некоторые слова недописаны; предполагаемые окончания нами взяты в скобки. Имеются пропуски слов, а отдельные слова написаны так, что разобрать их не удалось: в соответствующих местах нами поставлены многоточия.

Вот что сказано в этой копии.

«Я думаю, что фотографу совершенно безразлично; можно-пожалуй, так сделать: в одной фотографии сказать, чьи именно карточки, а в другой не гов(орить).

Да если деньги получишь от Красновского, купи Лассалья и еще Дюринга Курс национальной и социальной экономики⁴³, в таком случае пришлешь их через Дмоховск(ую). Во всяком случае узнай также цену эт(ого) сочинения Дюринга.

В Москве действуй так. От Красных ворот по Мясницкой до почтамта, оттуда по Мясницкой до Никольской и затем по Никольской ул. на второй половине ее (иди по левой стороне). Увидишь в последних воротах лавки букинистов, спросишь у них «Радикала». Потом дойдешь до конца Никольской, повернешь направо... вступишь на Тверскую улицу, по ней дойдешь до Страстного бульвара, повернешь направо, зайдешь в редакцию «Московских ведомостей» и затем далее по Страстному бульвару и Петровскому, Рождественскому и Сретенскому бульварам.

Из Новгорода пошлешь Лар(исе) Тим(офеевне) шкатулочку и мою карточку, а также письмо: по поручению моего брата посылаю Вам маленький ящик, сделанный им для Вас на память. До сих пор он насколько было возможно в Мценской тюрьме старался освоиться со столярным мастерством, но брался за самые простые вещи (табурет, стулья, столы, скамьи), не только не лакируя, но даже не крася ничем. Деланием же мелких вещей он не занимался. Посылаемый Вам ящичек и сделанная одновременно с ним шкатулка для матери были первые вещи, для которых ему пришлось учиться полировке, поэтому он надеется, что Вы извините его за топорность работы. В скромном подарке, посылаемом им Вам... путем... свою глубокую признательность. Нужно было бы вставить замок, но такого маленького, как требуется, здесь не оказалось во Мценске.

Вскоре... пошлю Вам карточку Ипполита... скоро придет ее.

Вере Николаевне он также скоро пришлет свою фотографию. Когда мы были у него, то не все карточки были готовы.

Наконец, последнее поручение. Пошлешь из Москвы по адресу Веры Николаевны (Пермь, Управление железной дороги) две книги — Альпийские ледники, ...и его жизнь.

Ну, прощай..., всего хорошего желаю тебе»⁴².

В начале текста И. Мышкин поручает брату посетить фотографии. Смысл этого поручения ясен из следующего. В донесении департаменту полиции начальник Новгородского жандармского управления пишет: «Григорий Мышкин, спрошенный по письму брату, полученному, когда Ипполит был в Мценске, сообщил, что Ипполит просил найти фотографа, который бы согласился из снятых в Мценской тюрьме фотографий отдельных государственных преступников сделать общую»⁴³. Эти фотографии И. Мышкин, вероятно, сумел передать матери во время свиданий с ней в Мценской тюрьме.

Определенный интерес представляет поручение купить книги. О Мышкине писалось неоднократно, как о человеке высокого личного мужества и благородства, и вместе с тем подчеркивалось, что он был революционером-практиком. Указаний же о том, что он проявлял интерес к вопросам теории мы не встречаем. Только в воспоминаниях Виташевского упоминается, что Мышкину во время пребывания в Новобелгородской тюрьме «хотелось выяснить программы возникших после него партий»⁴⁴.

Письмо Ипполита Мышкина к Григорию определенно указывает на довольно широкий круг его теоретических интересов и даже на стремление быть в курсе новых работ в области философии и политической экономии.

Затем из письма мы узнаем о наличии связей у И. Мышкина с революционными деятелями, не подвергшимися аресту. Он поручает Григорию повидаться в Москве с некоторыми лицами, но из осторожности не называет их фамилий, а указывает, как их найти, сообщая для этого известный, очевидно, обоим братьям маршрут.

Далее в письме мы читаем прочувственные строки, относящиеся к Ларисе Тимофеевне. Речь, конечно, идет о ранее уже упомянутой нами Ларисе Тимофеевне Зарудневой, которой И. Мышкин был признателен за организацию систематической помощи его матери.

Кто такая Вера Николаевна, о которой также говорится в письме, пока установить не удалось. Можно было бы предположить, что речь идет о Вере Николаевне Фигнер, которая с большой теплотой пишет о Мышкине на многих страницах своего «Запечатленного труда». На такое предположение было бы неосновательным: во-первых, Мышкин впервые встретился с Фигнер значительно позже — в Шлиссельбургской тюрьме, а, во-вторых, когда писалось это письмо, Фигнер находилась в заключении, а книги должны были быть отосланы Вере Николаевне по адресу: Пермь, Управление железной дороги. Весьма возможно, что упоминаемая в письме Вера Николаевна так же, как и Л. Т. Заруднева, одна из деятельниц подпольного Красного креста. Ведь в Перми жила и Заруднева, и привлекавший к дознанию за участие в работе этой организации Данько, у которого был найден адрес Е. Т. Соколовой, и ведь именно из Перми последняя регулярно получала денежную помощь.

Таковы материалы к биографии И. Мышкина, хранящиеся в Новгородском областном государственном архиве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. И. Ленин, соч., т. 5, стр. 342.

² «Государственные преступления в России в XIX веке». Сборник документов под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского), т. III. СПб — Ростов н/Дону, 1906, стр. 282.

³ «Былое», 1906, № 2, стр. 255.

⁴ «Былое», 1906, № 6, стр. 58.

⁵ Вера Фигнер, Запечатленный труд, т. II, М., 1933, стр. 26.

⁶ М. Р. Попов. К биографии Ипполита Никитича Мышкина (из воспоминаний). «Былое», 1906, № 2. Имеется также отдельное издание.

⁷ М. Бельских. Юношеские годы И. Н. Мышкина. «Каторга и ссылка», 1924, № 12.

⁸ Н. А. Морозов. Повести моей жизни, М, 1947; Вера Фигнер, Запечатленный труд, М, 1933; С. Ф. Ковалик. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х, М, 1928; А. Якимова, «Большой процесс» или «процесс 193-х» о революционной пропаганде в империи. «Каторга и ссылка», 1927, № 37; Н. Виташевский, Централка, «Былое», 1906, № 7; М. М. Чернавский, Ипполит Никитич Мышкин, «Каторга и ссылка», 1924, № 12 и др.

⁹ Очевидно, это послужило поводом для ошибочного утверждения М. Бельских, сделанного им в указанной выше заметке, о том, что отец Мышкина был фельдшером.

¹⁰ Государственный архив Новгородской области (в дальнейшем сокращенно именуется ГАНО), ф. 117, оп. 1, д. 108, л. 200; д. 173, л. 30.

¹¹ Е. Е. Колосов. Государева тюрьма — Шлиссельбург, М, 1929, стр. 268.

¹² ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 108, л. 196.

¹³ Там же, лл. 197—201.

¹⁴ Революционный Красный крест — подпольная организация, занимавшаяся оказанием материальной помощи политическим заключенным и их семьям.

¹⁵ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, лл. 28, 29.

¹⁶ Там же, л. 30.

¹⁷ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, лл. 32, 33.

¹⁸ С. Л. А. Дмоховским И. Н. Мышкин находился в заключении в Новобелгородском и Новоборисоглебском централах и в Мценской тюрьме. Как выше указывалось, Мышкин произнес прощальную речь над гробом Дмоховского.

¹⁹ Следует добавить, что Анна Осиповна Сыпянко — сестра Александра Осиповича Сыпянко, участника Харьковского революционного кружка, находившегося вместе с И. Мышкиным в Мценской тюрьме.

²⁰ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, лл. 34, 35.

²¹ Там же, лл. 38, 39.

²² Там же, л. 41.

²³ Александра Григорьевна Квятковская — жена Тимофея Александровича Квятковского, осужденного по процессу 193-х. Она в 1878 году приехала вслед за мужем на Кару.

²⁴ Долгушина, очевидно, жена одного из основоположников революционного народничества Александра Васильевича Долгушина, находившегося в те годы на Карийской каторге.

²⁵ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, л. 32.

²⁶ Там же. Софья Александровна Лешери в начале 70-х годов вела революционную работу в селе Меглецы, Боровичского уезда, Новгородской губернии. Была осуждена по процессу 193-х.

²⁷ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, л. 38. Речь идет о матери участника известного Цигиринского дела Владимира Евгеньевича Малавского, который одновременно с И. Н. Мышкиным был на Каре, и, очевидно, об Александре Капитоновиче Малюкове, который привлекался по делу участников революционного движения семидесятых годов к дознанию, закончившемуся процессом 193-х.

²⁸ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, лл. 32, 33.

²⁹ «Былое», № 2, 1906, стр. 269—270.

³⁰ Е. Е. Колосов. Государева тюрьма — Шлиссельбург, М, 1929, стр. 271.

³¹ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 188, л. 9.

³² Там же, л. 10.

³³ «Былое», № 11, 1906, стр. 123.

³⁴ Там же, стр. 108.

³⁵ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 164, л. 4.

³⁶ Там же, лл. 4, 10.

³⁷ Там же, л. 4.

³⁸ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, л. 42.

³⁹ Там же, д. 164, лл. 11—80.

⁴⁰ Там же, д. 173, л. 38.

⁴¹ Произведение Дюринга «Курс национальной и социальной экономики со включением основных пунктов финансовой политики», первое издание на немецком языке вышло в 1873 году в Лейпциге.

⁴² ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 173, л. 42.

⁴³ Там же, л. 38.

⁴⁴ Н. Виташевский. Централка, «Былое», 1906, № 7, стр. 120.